

УДК 821.161.1=312.6(1-87)
doi 10.17072/2073-6681-2023-4-97-106

EDN WZIRAI

Автобиографическая повесть С. А. Зайцевой «Детскими глазами на мир» в контексте литературной традиции Л. Н. Толстого («Детство»)

Анна Альбертовна Арустамова

д. филол. н., доцент, профессор кафедры русской литературы

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. aarustamova@gmail.com

SPIN-код: 3568-5321

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3079-0253>

Чжэнь Цзинжу

аспирант кафедры русской литературы

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. zhenjingru@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 25.07.2023

Одобрена после рецензирования 24.09.2023

Принята к публикации 13.11.2023

Информация для цитирования

Арустамова А. А., Чжэнь Цзинжу. Автобиографическая повесть С. А. Зайцевой «Детскими глазами на мир» в контексте литературной традиции Л. Н. Толстого («Детство») // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 4. С. 97–106. doi 10.17072/2073-6681-2023-4-97-106

Аннотация. В статье рассматривается первое произведение автобиографической трилогии писательницы первой волны русской эмиграции С. А. Зайцевой «Детскими глазами на мир» в контексте литературной традиции Л. Н. Толстого (повесть «Детство»). Утверждается, что структура трилогии соотносится со структурой трилогии Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность». В произведении писательницы XX в. присутствуют такие характерные для «повести о детстве» черты, как герой-ребенок, открывающий для себя мир, пространство дома как организующее пространство жизни персонажа, изображение семейного уклада, разработка принципов изображения внутреннего мира ребенка. В исследовании проводятся параллели с произведением Толстого на образном, мотивном, пространственном, сюжетном уровнях художественной системы повести «Детскими глазами на мир». Особое внимание уделяется сопоставлению образов Николеньки и Сони, принципам анализа внутреннего мира героев повестей, выявляются сходства и различия в использовании приема психологизма, а также исследуется роль принципа остранения в создании образов героев. В статье рассматриваются особенности организации пространства в повести «Детскими глазами на мир», соотношения *своего* и *чужого* в художественной структуре произведений, анализируется взаимодействие культур в повести писательницы XX в. Сопоставление произведений позволяет охарактеризовать историко-культурный контекст повести С. Зайцевой и роль традиции русской классики в её творчестве.

Ключевые слова: автобиографическая повесть; повесть о детстве; С. А. Зайцева; Л. Н. Толстой; литература первой волны эмиграции; литературная традиция; поэтика; стиль.

Личность и творчество С. А. Зайцевой (1899–1945) долгое время оставались вне поля зрения исследователей литературы русской эмиграции, исчерпываясь библиографическими сведениями [Хисамутдинов 2002; Русские в Китае 2010, Хисамутдинов 2017]. Сегодня произведения писательницы только начинают привлекать к себе внимание. Так, А. В. Марков анализирует феномен книжности и его место в трилогии Зайцевой. По мнению учёного, в творчестве Зайцевой «книга оказывается... особым аппаратом сохранения и признания чужого опыта в ситуации катастрофы» [Марков 2022: 23]. Н. А. Рубан создаёт очерк биографии писательницы, даёт общую характеристику произведениям Зайцевой. В частности, говоря о первой книге трилогии «Детскими глазами на мир», она упоминает роман И. С. Шмелёва «Лето Господне», проводя тематические и образные параллели между двумя произведениями.

Литература восточной ветви русского зарубежья привлекает внимание исследователей в Китае. Так, были опубликованы работы Дяо Шаохуа – «Обзор поэтов русской эмиграции в Харбине в 1920-х годах» [Дяо Шаохуа 1992а: 102–104] и «Яркое сияние литературы русской эмиграции в Харбине», посвященные общей характеристике литературы русской эмиграции в Китае. Исследователь отметил, что «Харбин когда-то был культурным центром русских эмигрантов на Дальнем Востоке. Здесь была процветающая русская литература и появилось много выдающихся писателей» [Дяо Шаохуа 1992b: 82]. Ученый также указал, с одной стороны, на связь литературы русских эмигрантов с русской классической культурой и культурой Серебряного века, а с другой – на отличия между ними. По мнению исследователя, литература русской эмиграции в Китае, «с одной стороны, наследует традицию русской литературы и связана литературой конца XIX – начала XX века, но, с другой стороны, изолирована от своей родины» [Дяо Шаохуа 1994: 150].

Следует отметить также работы Ли Мэн «Недостающее звено – литература русской эмиграции в Китае» [Ли Мэн 2007] и Ван Яминь «Исследование литературы русской эмиграции в Китае в XX веке» [Ван Яминь 2007]. Ли Мэн анализирует исторические корни русских эмигрантов в Китае, делает обзор литературы русской эмиграции в Китае, а также подробно анализирует творчество двух авторов – А. И. Несмелова и В. Ф. Перелешина. Ван Яминь обращается к литературе разных жанров, в том числе мемуарной. Отдельная глава исследования посвящена демонстрации связи русской литературы в Харбине с русской и китайской литерату-

рой, а также её месту в истории литературы. В то же время творчество Софьи Зайцевой до сих пор не привлекало внимания ученых, анализирующих тенденции развития восточной ветви русской литературы.

Автобиографическая трилогия была написана Зайцевой в 1930–1940-е гг. и состоит из трех повестей: «Детскими глазами на мир», «У порога в мир», «Путь через мир». Сюжетное время в них охватывает детство, отрочество и юность героини Сони, пришедшиеся на дореволюционное и революционное время. В эпоху революционных событий Соня, чьё детство и отрочество прошли в Петербурге, покидает Россию, и страницы третьей повести посвящены годам, прошедшим между расставанием героини с родиной и отбытием в Китай из Европы.

Композиция трилогии Зайцевой следует той, что стала к 1930-м гг. уже классической благодаря произведениям Льва Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность». Структурный принцип трилогии Толстого в дальнейшем был разработан в творчестве целого ряда писателей, аналогичным образом строящих свое повествование. Среди них Н. Г. Гарин-Михайловский («Детство Темы», «Гимназисты», «Студенты», «Инженеры»), А. М. Горький («Детство», «В людях», «Мои университеты»). Можно вспомнить также произведения, в которых представлен путь взросления героя («История моего современника» В. Г. Короленко, «Жизнь Арсеньева» И. А. Бунина) или изображено его детство («Детские годы Багрова-внука» С. Т. Аксакова, «Лето Господне» И. С. Шмелёва). Исследователи прозы писателей русского зарубежья, в частности Бунина и Шмелёва, отмечают влияние традиции Толстого в произведениях «Жизнь Арсеньева» и «Лето Господне» [Дзыга 2009; Чой Чжин Хи 1999 и др.].

Важно сделать методологическое замечание. Софью Зайцеву можно отнести к «младшему» поколению писателей-эмигрантов первой волны. Как уже было отмечено в научной литературе, творчество авторов этого поколения русских эмигрантов первой волны литературоцентрично в том смысле, что принадлежавшие к нему поэты и писатели воспроизводят культурную атмосферу и литературную традицию XIX в., а также Серебряного века [Через океан 2021: 15].

В этой статье речь пойдет о первом произведении автобиографической трилогии Зайцевой «Детскими глазами на мир» как продолжении основанной Толстым («Детство») литературной традиции изображения мира детства и персонажа-ребенка. Именно этот писатель задал вектор письма о детстве для XIX и XX вв., получившего затем столь плодотворное развитие в творчестве многих писателей.

Новизна статьи связана с тем, что тема детства и связь с литературной традицией рассматриваются в творчестве писательницы восточной ветви русского зарубежья. Если в литературе русского зарубежья в Париже они основательно изучены, то в отношении восточной ветви русской эмиграции эта работа только начинается. Следует отметить, что харбинская или шанхайская литература о детстве, как и автобиографическая проза русских эмигрантов в Китае, до сих пор практически не систематизирована и не исследована. Можно отметить ряд работ по русской детской журналистике Харбина и Шанхая (Е. С. Бабкина «Журналистика русского зарубежья Дальнего Востока для детей и молодежи в социокультурном контексте (1898–1945 гг.)» [Бабкина 2018], А. А. Хисамутдинов «Сохраняя русский язык: как издавали детские книги в Китае» [Хисамутдинов 2015]), однако в них освещается главным образом журналистика русской эмиграции и вопросы книгоиздания.

Как заметил Альгазо Хасан, анализируя автобиографическую прозу писателей русского зарубежья Бунина, Зайцева и Шмелёва, «как и в русской классике, в творчестве писателей-реалистов нового поколения изображение всецело подчинено раскрытию человеческой судьбы. Но она в новую эпоху складывается иначе, нежели это было в XIX веке, драматизм ее объясняется резкими разломами в жизни тех, кому довелось жить в эпоху войн и революций. <...> Осознающие трагизм положения человека в XX веке писатели пытаются преодолеть его обращением к духовной жизни, к памяти, поэтизацией быта» [Хасан 2006: 8]. Поэтому необходимо рассмотреть, какие общие черты «повести о детстве» выявляются в произведении Зайцевой, следующей литературной традиции, а в чем проявляются стилевые особенности ее прозы, а также отличительные черты проблематики.

Также следует иметь в виду, что, во-первых, в повести (как и во всей трилогии) изображена иная историческая ситуация. В трилогии чувствуется нарастающее напряжение, которое знаменует переломное, бурное время первых десятилетий XX в. И это напряжение ощущается уже в первой книге. Во-вторых, произведение Зайцевой создавалось почти через два десятилетия после изображаемых событий, когда писательница более десяти лет находилась в эмиграции.

Главные герои этих двух произведений – дети. Концепт «детство» присутствует в заглавии обоих произведений. Зайцева в определенном смысле продолжает, развёртывает заглавие повести Толстого. Писательница указывает на кругозор героя – маленькой девочки, которая открывает для себя мир вокруг, познаёт радости детства

и первые горести. Можно предположить, что название повести Зайцевой родилось в диалоге с произведением классика. В повествовании Толстого присутствуют два субъекта – Николенька Иртенев и взрослый Николай Иртенев, осмысляющий и комментирующий события далекого прошлого, своего детства, рефлексиирующийся и наделённый жизненным опытом. В повести «Детскими глазами на мир» повествование ведётся от лица героини – шестилетней девочки Софьи, или Шишилки, как её ласково зовут в домашнем кругу. Именно её детский и бесхитрый взгляд на мир представлен в произведении. В повести нет другого повествователя. А мотивы поступков других героев, исторический контекст происходящего, положение дел в семье и вокруг читатель реконструирует из описания их действий, поведения, речи, а также характеристик, которую дает им маленькая Соня.

Так, в повести Толстого зачастую изображение того или иного события или ситуации передаётся в двух планах. Сначала оно показано в восприятии Николеньки, а затем взрослый рассказчик Николай Иртенев дополняет то, что недоступно пока детскому взгляду на мир. Ярким примером является двуплановая характеристика отца героя. Эта двуплановость подчёркивается, в частности, композицией повествования. Так, третья глава повести называется «Папа», в ней глазами Николеньки показана ситуация общения отца с приказчиком. А глава десятая повести называется «Что за человек был мой отец?», в которой раскрывается характер «человека общего века», анализируются социально-исторические истоки его личности, его внутренний мир. Меняется интонация повествования и кругозор героя.

В повести Зайцевой воспроизводится взгляд ребенка на окружающих, что меняет повествовательную структуру произведения. Так, драматичная история болезни горячо любимого отца передана глазами Сони, которая, может быть, не в полной мере понимает происходящее, но ощущает постепенное ухудшение положения семьи. Читатель же воссоздает полную картину через реплики других персонажей – горничных, матери: «...мама говорила Неше: – Его должны были перевезти сегодня, но не прислали во время санитаров, и пришлось отложить на завтра. <...> Это очень неудачно вышло из-за детей. <...> Так бы он уехал, и дети не увидели бы его перед отъездом...» [Зайцева 1947: 135], а также через «взрослое» понимание того, что видит девочка: «...я ударила обеими ладонями в дверь, распахнула ее, шмыгнула под ногами у незнакомых мне людей, катящих громадное кресло, и бросилась в спальню... На кровати, свесив ноги и нащупывая ими мягкие туфли, сидел в белой рубашке с от-

ложным воротником, в белых длинных панталонах папа. Худой, обросший бородой, с глубоко впавшими глазами...» [Зайцева 1947: 135–136].

Оба писателя создают образ ребенка, чуткого, глубоко переживающего, сочувствующего другим, умеющего видеть красоту мира и его многообразия. Например, Николенька наивно надеется, что отец и Карл Иванович смогут понять друг друга: «я сочувствовал его горю, и мне больно было, что отец и Карл Иванович, которых я почти одинаково любил, не поняли друг друга; я опять отправился в угол, сел на пятки и рассуждал о том, как бы восстановить между ними согласие» [Толстой 1978: 14].

И Николенька, и Соня наивны, любопытны, полны воображением. Воображение Николеньки очень богато. Когда он пошел с отцом на охоту и увидел лес, то он «...тогда казался мне самым отдаленным, таинственным местом, за которым или кончается свет, или начинаются необитаемые страны» [там же]. Соня тоже любит фантазировать. Девочка представляет ночник на комодке корабликом в темноте: «...и мне кажется, что крохотный кораблик с голубым фонарем плывет ко мне из темноты по зеркальному озеру» [Зайцева 1947: 10]. Соня представляет себе чашку сестры Тамарки ледяной горой, под которой горит пламя: «...как будто ледяная гора, а под ней костры» [там же: 9].

Вслед за Толстым Зайцева показывает присутствующим детям способность видеть мир поэтически – способность, которую большинство взрослых утрачивает. Детский взгляд на мир – тот, который может увидеть поэзию в обыденном. Именно этот «свежий», незамутненный, а иногда – острабяющий. Так, Соня представляет себе сторожа Таврического сада добрым колдуном: «Сторож в Таврическом саду колдун – это я давно знала! Только он добрый колдун... Но мы видим, как колдун на горе бросает вниз по прозрачному зеленоватому водопаду одну диковинную рыбу за другой. Через секунду рыбы доплывают до нас и оказываются веселыми мальчуганами, распластавшимися на деревянных санях» [там же: 10].

Детское умение видеть непривычное в рутинно привычном взрослому взгляду, непосредственность восприятия обуславливают и использование техники острабления, разработанного Толстым. Зайцева также на протяжении повести неоднократно прибегает к этому приему. Вот как она описывает, какой причудливой видят комнату, подготовленную к отъезду семьи на дачу, Соня и её сестра Тамарка: «Тамарка осторожно дотронулась до электрической кнопки, и мы увидели, что в гостиной теперь и вправду была совсем – *своя* [курсив автора] жизнь. Громадный белый, но

не прозрачный кокон бабочки засветился над нашей головой, хотя вся комната оставалась почти в полутемноте...; Мы сели на корточки. – Теперь это морское дно, – сказала Тамарка. – Подводные камни и скалы, – она показала на составленные друг на друга стулья в чехлах и на корзины, – страшные чудовища и рыбы, – она протянула руку к свернутым коврам» [там же: 104].

Писательница показывает, как уносится в даль воображение девочки, придумывающей волшебный мир и трансформирующей скучную для взрослых реальность. Этим развернутым эпизодом завершается одна из глав повести. Очарование детства не нарушается вторжением рационально мыслящих взрослых. Здесь Зайцева словно бы останавливается там, где Толстой продолжает исследовать мир детства и хрупкость его гармонии. В повести «Детство» старший брат Николеньки Володя, пытающийся казаться «большим», скептически отзывается об игре младших детей и разрушает волшебный мир, созданный их воображением: «...его ленивый и скучный вид разрушал все очарование игры. Когда мы сели на землю и, воображая, что плывем на рыбную ловлю, изо всех сил начали грести, Володя сидел сложа руки и в позе, не имеющей ничего схожего с позой рыбака... Такие поступки и слова, охлаждая нас к игре, были крайне неприятны, тем более что нельзя было в душе не согласиться, что Володя поступает благоразумно» [Толстой 1978: 23].

Благоразумие взрослых входит в противоречие с непосредственным детским восприятием событий. В дальнейшем Толстой продолжит размышлять над противоречием между истинным и ложным, между поэтическим и рациональным в восприятии мира, связывая его с нравственными установками героев. Наташа Ростова позднее, в знаменитой сцене в театре, совершая ошибку, вдруг перестанет воспринимать условность искусства – и очарование спектакля разрушится. Обратим также внимание на переключку эпизодов в двух произведениях: героини Зайцевой и Толстого придумывают водный мир, имитируют плавание в лодке: «Потом забралась в качалку. Тамарка свесила одну ногу и отталкивалась ею от пола. Мы тихонько покачивались. – Вот мы как будто плывем по самому дну и как будто смотрим вокруг, – сказала Тамарка» [Зайцева 1947: 105]. В произведении и Толстого, и Зайцевой мальчик и девочка открывают мир, и им все интересно, без исключения. Как замечает маленькая Соня, «самое трудное то, что все вообще интересно, а старшие все время заставляют выбирать что-нибудь одно» [там же: 107].

По мысли Толстого и Зайцевой, открытость миру героев-детей обусловлена не только этим

этапом их жизни, но и атмосферой любви, в которой они пребывают в родительском доме – будь то имение (Николенька) или петербургская квартира (Соня). При этом особую роль в жизни детей играют родители – мать Николеньки и отец Сони. И именно с потерей матери и отца, отметим, будут связаны первые страшные, горестные события жизни маленьких героев, разрушающие идиллию детства.

Уклад жизни семьи Сони строится на фундаменте взаимной любви, доверии, прощении, заботе друг о друге. Именно в семье девочка получает нравственный опыт, совершает первые ошибки и учится делать правильный выбор (эпизод с дарением игрушке кузине). Соня проявляет высокомерие, на что мягко ей указывает отец, побуждая девочку задуматься над своим поступком. А когда она заплакала, утешает её. Писательница показывает, что лучшим воспитателем становится любовь родных, помогающая ребенку делать правильный выбор в той или иной ситуации, пробуждает рефлексию над собственными поступками. Здесь писательница следует Толстому, который показывает Николеньку размышляющим над собственными поступками, но Толстой усложняет повествовательную структуру, потому что даёт слово и комментатору Николаю Иртеневу, переосмысляющему прошлое (ср. рефлексию взрослого Иртеньева: «Я решительно не могу объяснить себе жестокости своего поступка. Как я не подошел к нему, не защитил и не утешил его? Куда девалось чувство сострадания, заставлявшее меня, бывало, плакать навзрыд при виде выброшенного из гнезда галчонка... Неужели это прекрасное чувство было заглушено во мне любовью к Сереже и желанием казаться перед ним таким же молодцом, как и он сам? Незавидные же были эти любовь и желание казаться молодцом! Они произвели единственные темные пятна на страницах моих детских воспоминаний» [Толстой 1978: 51]). В целом можно говорить о глубоком психологизме Толстого в изображении душевных переживаний десятилетнего Николеньки.

Зайцева рисует пяти-шестилетнюю Соню, чья душа в большей степени впитывает впечатления мира, но уже и начинает работу над нравственной переработкой этих впечатлений. Писательница хорошо улавливает общие особенности детской психологии, по возможности избегая абстрактных характеристик, вводя большое количество конкретных образных описаний. Используемый детский язык отличается невинностью и юмором. Повествование включает в себя стилистические маркеры детского мировосприятия. Оно проявляется, например, в описании испуганной Сони: «Когда мы возвращались домой, – ноги у меня стали мягкими и вялыми, как

макароны, и я едва ступала ими» [Зайцева 1947: 123]. Писательница показывает в эпизоде с Цыганковыми одно из первых столкновений девочки с незнакомым ей миром, сильно отличающимся от мира её семьи, что выводит её за рамки знакомого опыта. И тогда Соня начинает напряженно размышлять, в её душе происходит нравственная работа. На даче девочка впервые узнает, что не все семьи живут в любви и согласии. Она слышит крики из дома крестьян Цыганковых и наталкивается на равнодушную реакцию соседской бабы: «Отец пьяный вернулся, опять, должно, дерется» [там же: 122]. Девочка тяжело переживает увиденное и затем размышляет: «...когда услышала крики и подумала, что Нюту с Ксюшей бородастый злой мужик бьет – так стало нехорошо, страшно, противно, так ужасно жалко их обеих... Что же с этой жалостью делать?» [там же: 123].

Однако не случайно, что сюжетная история обеих книг завершается расставанием героев с самыми любимыми – родителями. Большой мир вторгается в идиллический мир детства, и начинается новый этап в их жизни. Это случается, когда умирает мать Николеньки и фактически исчезает из жизни Сони её отец. Гармоничный мир детства больше никогда не будет для героини повести Зайцевой «своим» – потерянным раем. Об этом свидетельствует и изменение восприятия девочкой пространства детской, которое маркируется теперь как «чужое» в финальных строках повести: «Через полчаса я совсем одна сидела за столом в столовой – одна первый раз в моей жизни. Пила с блюдечка молоко и не спускала глаз с дверей моей детской. Она казалась мне теперь совсем грустной и как будто немного чужой. И в ней с утра горела перед образом лампадка – как будто в знак расставанья моего с Тамаринькой и с моим папой...» [там же: 139–140]. Горе, которое переживает девочка, приносит одиночество и чувство покинутости. Мотив одиночества впервые появляется на страницах трилогии с тем, чтобы затем звучать всё сильнее и достигнуть пика драматизма в третьей книге, когда героиня в вихре исторических событий расстается с семьёй и оказывается одна в Константинополе. Отметим также, что писательница в финале повести указывает и на переход на другой этап жизни и сестрой Сони Тamarой – девочка отправляется держать экзамен в гимназию, и значит, неразлучные сестры должны будут ходить в разные учебные заведения, находить новых друзей и круг общения.

Как и в повести Толстого, в книге «Детскими глазами на мир» актуализировано противопоставление *своего* и *чужого*. В повести «Детство» *свой* для Николеньки мир усадьбы – его дом,

включающий также пространство и дома, и природы прилегающих окрестностей, домочадцев и, прежде всего, родителей. Попадая в Москву, в бабушкин дом, мальчик оказывается в *чужом* пространстве, гораздо более узком и замкнутым. Но, главное, это другой уклад жизни, лишённый простоты, естественности и, главное, любви, которой был наполнено родовое гнездо Иртеневых. Это другой мир, к которому Николеньке приходится привыкать, понимать его законы, и этот процесс исполнен драматизма и сомнений в детской душе.

В повести Зайцевой отчасти сохраняется данный принцип организации пространства. Писательница также актуализирует противопоставление *своего* и *чужого*, но делает это иначе. Прежде всего, семья Сони живет в Петербурге на Кировной улице, и её «родовым гнездом» является квартира, а окрестностями – Таврический сад, куда её и сестру Тamarку водят гулять, «особенная» лавочка на Воскресенской, в которую после прогулки заходят девочки с гувернанткой Нешей. Однако пространство в повести постепенно расширяется: дети посещают церковь, школу, цирк Чинезелли. Отметим, что школьные занятия станут предметом следующей повести «У порога в мир», посвящённой отрочеству и ранней юности героини, сближая в жанрово-тематическом отношении вторую книгу со «школьными повестями». При этом центром пространства неизменно остается дом, чему более всего служит композиционный принцип организации повести: Действие переносится из дома и возвращается обратно в него – в *свое* пространство.

В повести происходит постепенное открытие Соней окружающего мира, при этом она, «петербургская девочка, отправляется в *чужое* пространство – на Рождество в Москву к бабушке и дедушке и летом на дачу. Особенностью повести «Детскими глазами на мир» является изображение процесса взаимодействия культур. Поездка в Москву оказывается для Сони не только знакомством с родственниками, но и погружением в армянскую культуру. Писательница подробно показывает постепенное освоение и *чужого* пространства и другой культуры: «Я осталась в большом чужом доме, где было несколько парадных комнат с высокими, как балконные двери, окнами, огромными хрустальными люстрами, пестрыми кавказскими коврами и иконами с цветными висячими лампадами» [Зайцева 1947: 53]. Поначалу девочка ощущает себя чужой в этом пространстве и в общении с семьей бабушки и дедушки, чему способствует незнание армянского языка: «Я домой хочу. Я боюсь вас всех, – прошептала я, совсем по чужому, заика-

ясь и шепелявя» [там же: 66]. Встреча с другим укладом жизни, с другой культурой вызывают сильный эмоциональный отклик в героине повести, настолько, что она перестает быть *собой*. И лишь спустя несколько дней девочка адаптируется к укладу жизни московской семьи и осваивает новое пространство.

Летняя поездка на дачу (о дачном топосе в русской литературе см.: [Богданова 2018а, 2018б; Мари 2020; Осьминина 2020 и др.]) приносит новый опыт знакомства с миром. Для городской девочки всё кажется новым, ведь деревня поначалу воспринимается ею как пространство на картинках: «Вечером я принесла и разложила у мамы на коленях картинки, которые мы покупали в табачной, напротив. У меня были стада, хорошенькие избушки, сплошь покрытые снегом, и другие – коричневые, с соломенными крышами, с беленькой распутившейся березкой у крыльца; куры у глиняной чашки, наполненной зерном, колодезь, и возле него две румяные бабы с коромыслами на плечах... – Мама, это такая и есть деревня?... – Не совсем... но почти такая...» [Зайцева 1947: 98].

Однако крестьянский мир оказывается не похож на открыточный. Мотив несовпадения идиллических ожиданий городских детей и увиденного ими несколько раз возникает в дачных главах повести: «...деревня оказалась и похужей и, вместе с тем, совсем не похужей на картинки из табачной лавки» [там же: 109]: избы не такие красивые, как на картинках, баба «не румяная и не в красном платочке, а с серым, немного корявым от оспы лицом, в выцветшем платке на голове, в ситцевой кофте поверх юбки» [там же: 110]. Крестьянским детям девочки тоже кажутся чужими: «Мы не знали, как дальше быть... Мальчики окружили нас, и тоже все молчали и смотрели на нас не то с любопытством, не то с испугом» [там же: 111].

Тем не менее поэтичная душа героини откликается на красоту природы. Как и Николеньке, ей интересна флора и фауна, к которой она бережно относится. Можно увидеть сходство между эпизодами в повести «Детство» и книге Зайцевой. Вот как Толстой описывает Николеньку, который увидел бабочку: «Как только я обратил на нее внимание, она отлетела от меня шага на два, повилась над почти увядшим белым цветком дикого клевера и села на него. Не знаю, солнышко ли ее пригрело, или она брала сок из этой травки, – только видно было, что ей очень хорошо. Она изредка взмахивала крылышками и прижималась к цветку, наконец совсем замерла. Я положил голову на обе руки и с удовольствием смотрел на нее» [Толстой 1978: 21]. Писатель подчеркивает умение мальчика видеть красоту и

радоваться ей, чувствовать настроение всего живого. Так же ведут себя и Соня с Тамаркой, которые, в отличие от мальчиков-соседей на пикнике, не прикалывают бабочек, а ловят их и отпускают. Другой эпизод – описание вечера и ночи в первый день девочек в имении, которое было нанято под дачу, – отчасти рифмуется с эпизодом в Отрадном из «Войны и мира», когда Наташа Ростова, в отличие от Сони, не спит, впитывая красоту ночи. Чуткая героиня повести Зайцевой, впервые оказавшаяся в деревне и услышавшая пение соловья и ночных птиц, не может уснуть, переполненная впечатлением и красотой природы, в отличие от сестры Тамары: «Очень скоро я проснулась от громкого щелканья и свиста. Приподнялась, села на кровати и уже хотела разбудить Тамарку... Но сама я не спала. Перед самым рассветом я опять поднялась и присела на кровати. Хрипло и настойчиво прокричал где-то петух. Ему не сразу ответили другие. Но когда за окном нацело светлеть – со всех сторон послышалось их разноголосое крикливое пение... Тамарка недовольно фыркнула во сне и залезла с ушами под пикейное одеяло» [Зайцева 1947: 116]. Как и Толстой в «Детстве», а затем в «Войне и мире», Зайцева противопоставляет тонкую и поэтичную натуру Сони более приземленной Тамаре. Но, как и в других эпизодах книги, писательница, в отличие от автора XIX в., не делает подробного психологического комментария, перечисляя только действия героини (проснулась, приподнялась, села, хотела разбудить, не спала, опять поднялась, присела). Читателю приходится реконструировать волнение девочки, всю гамму её эмоций. В повести Зайцевой создается подводное течение, когда динамика внешних движений соотносится с динамикой чувств и эмоций героини.

Следование традиции Толстого как одного из ключевых авторов «повести о детстве», «усадебной повести» осложняется в произведении писательницы XX в. изображением исторически переломного времени и самими обстоятельствами написания трилогии. Маленькая Соня пока не понимает значения слова «революция», пульсирующего на страницах повести, однако чувствует страх и беспокойство, разлитые в воздухе и безошибочно считываемые ребенком. Тамара заявляет: «теперь все будет по-особенному, потому что везде... “революция” <...>. От этого непонятного слова мне становится в потемках немного страшно. Я стараюсь смотреть только прямо перед собой в дверную щель, в которую виден свет из столовой. В столовой шелестит скатерть, позвякивают о блюда ложечки. Потом слышны тяжелые, быстрые шаги Насти, которая несет по коридору самовар. Тамара вскакивает с

диванчика. – Угадай, какие сегодня булочки к чаю? – Не знаю, – тихо отвечаю я» [там же: 21].

Автор противопоставляет темноту, ассоциативно связывающуюся со словом «революция», свету в столовой, в сердце дома, где накрывают на стол, несут самовар и испечённые к обеду булочки, где продолжается установленный порядок жизни. В первой книге трилогии космос дома ещё противостоит хаосу недалёкого уже будущего. Но мотивы страха и напряжения нарастают к финалу произведения, что отражается даже в названиях глав («Жить становится немного страшно», «Невеселое возвращение»). Финал повести демонстрирует первые удары судьбы, разрушающие гармонию дома, и в последующих книгах путь героини – это путь поиска духовной опоры в череде трагических ситуаций её жизни, обусловленных историческим временем.

Как отметила Л. И. Бронская, анализируя автобиографическую прозу Шмелёва, Зайцева и Осоргина, «писателей первой половины 20 века, как и писателей-классиков, интересует чувственный мир ребенка, его детские горести и радости, сложности взаимоотношений со взрослыми, первые встречи с вневременными константами: смертью, любовью, осознание совершенства Вселенной и т. д. Но писатели-эмигранты обладают и иным социальным, историческим, нравственно-психологическим опытом; перед ними стоят иные сверхцели...» [Бронская 2001: 338]. Оставаться в русле русской классической литературы в разработке темы детства означало для писательницы, с одной стороны, сохранять связь с русской культурой и литературой, а с другой – запечатлеть в памяти исчезнувший уклад, найти в воспоминаниях о детстве, художественно переработанных в повести, опору, помогающую пережить трагические события XX в., противопоставить дом – скитальчеству. В то же время уже в первой повести автобиографической трилогии Зайцевой появляются признаки приближающегося исторического перелома, нарастает напряжение, обусловленное социально-историческими обстоятельствами предвоенной и предреволюционной жизни, которое определит повествовательную интонацию и структуру двух последующих повестей – «У порога в мир» и «Путь через мир».

Список литературы

Бабкина Е. С. Журналистика русского зарубежья Дальнего Востока для детей и молодежи в социокультурном контексте (1898–1945 гг.). СПб., 2018. 406 с.

Богданова О. А. Дачный топос в литературных источниках XX в. и в романе Е. Г. Водолазкина «Авиатор» // Филологический класс. 2018а. № 2(52). С. 134–140. doi 10.26710/fk18-02-22

Богданова О. А. Окно в рай? Культурная семиотика усадьбы и дачи в русской литературе рубежа XIX–XX вв. // Артикульт. 2018б. № 3 (31). С. 79–83.

Бронская Л. И. Концепция личности в автобиографической прозе русского зарубежья: И. С. Шмелев, Б. К. Зайцев, М. А. Осоргин: дис. ... д-ра филол. наук. Ставрополь, 2001. 373 с.

Ван Яминь. Исследование литературы русской эмиграции в Китае в XX веке: дис. д-ра филол. наук. Ланьчжоу, 2007. (王亚民. 20世纪的中国俄罗斯侨民文学研究. 博士论文, 兰州, 2007.)

Дяо Шаохау. Литература русской эмиграции в Китае // Современная зарубежная литература. 1994. № 4. С. 150–157. (刁绍华. 在华俄侨文学一瞥 [J]. 当代外国文学, 1994, (4): 150–157.)

Дяо Шаохау. Обзор поэтов русской эмиграции в Харбине в 1920-х годах. // Академические обмены. 1992а. № 5. С. 102–106. (刁绍华. 二十年代哈尔滨俄侨诗坛一瞥 [J]. 学术交流. 1992(5): 102–106.)

Дяо Шаохау. Яркое сияние литературы русской эмиграции в Харбине // В поисках истины. 1992б. № 5. С. 82–86. (刁绍华. 重放异彩的哈尔滨俄侨文学 [J]. 求是学刊. 1992. ((5): 82–86.)

Дзыга Я. О. Традиции русской классической литературы в эмигрантском творчестве И. С. Шмелева // Русский язык за рубежом. 2009. № 2. С. 83–88.

Зайцева С. Детскими глазами на мир: Повесть из жизни Петербургской девочки. Шанхай, 1947. 140 с.

Ли Мэн. Литература русской эмиграции в Китае – Забытая страна. М., Пекин: Изд. Пекинского университета, 2007. (李萌. 缺失的一环——在华俄国侨民文学. 京: 北京大学出版社, 2007.)

Мари Э. У истоков «дачного топоса»: заметки на полях незавершенного труда Ю. М. Лотмана // Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм: кол. монография / под ред. и автор предисл. О. А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 128–143.

Марков А. В. Блокада в книге: страница из истории русской эмиграции в Китае // Labyrinth: теории и практики культуры. 2022. № 1. С. 23–32. doi 10.54347/Lab.2022.1.2

Осьминина Е. А. Образ дачи в произведениях И. С. Шмелева и В. А. Никифорова-Волгина // Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм: кол. монография / сост., отв. ред. и автор предисл. О. А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 246–255.

Рубан Н. А. Писатель русской эмиграции Софья Зайцева // Русский Харбин, запечатлённый в слове: сб. науч. работ / под ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой; пер. на кит. Ван Юйци, пер.

на англ. О. Е. Цмыкал. Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2021. С. 147–151.

Русские в Китае / под общ. ред. и предисл. А. А. Хисамутдинова. Шанхай: Изд. Координ. совета соотечественников в Китае и Русского клуба в Шанхае, 2010. 572 с.

Толстой Л. Н. Собрание сочинений. В 22 томах. Т. 1. Детство. Отрочество. Юность. М.: Худ. лит., 1978. 422 с.

Хасан А. Нравственное становление личности в автобиографической прозе русского Зарубежья: И. А. Бунин, И. С. Шмелев, Б. К. Зайцев, А. И. Куприн: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 20 с.

Хисамутдинов А. А. Сохраняя русский язык: как издавали детские книги в Китае // Русский язык за рубежом. 2015. № 6. С. 90–94.

Хисамутдинов А. А. Российская эмиграция в Китае: Опыт энциклопедии. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. 359 с.

Хисамутдинов А. А. Русские литераторы-эмигранты в Китае. Материалы к словарю (1-я половина XX в.). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2017. 127 с.

Через океан: очерки литературы русской эмиграции в Китае и в США (1920–1930-е гг.) / А. А. Арустамова, Б. В. Кондаков, В. А. Филимонова, Хэ Тинтин. Пермь: Изд. центр ПГНИУ, 2021. 152 с.

Чой Чжун Хи. Роман И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева»: Проблема жанра. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 181 с.

References

Babkina E. S. *Zhurnalistska russkogo zarubezh'ya Dal'nego Vostoka dlya detey i molodezhi v sotsiokul'turnom kontekste (1898–1945 gg)* [Journalist Works of Russian Emigres in the Far East for Children and Youth in the Sociocultural Context (1898–1945)]. St. Petersburg, 2018. 406 p. (In Russ.)

Bogdanova O. A. Dachnyy topos v literaturnykh istochnikakh XX v. i v romane E. G. Vodolazkina 'Aviator' [Dacha as topos in the literature of the 20th century and in E. G. Vodolazkin's novel 'Aviator']. *Filologicheskii klass* [Philological Class], 2018, issue 2 (52), pp. 134–140. doi 10.26710/fk18-02-22. (In Russ.)

Bogdanova O. A. Okno v ray? Kul'turnaya semiotika usad'by i dachi v russkoy literature rubezha XIX–XX vv. [A window to paradise? The cultural semiotics of estate and dacha in the Russian literature of the turn of 19th–20th centuries]. *Artikul't* [Art & Cult], 2018, issue 3 (31), pp. 79–83. (In Russ.)

Bronskaya L. I. *Kontseptsiya lichnosti v avtobiograficheskoy proze russkogo zarubezh'ya: I. S. Shmelev, B. K. Zaytsev, M. A. Osorgin. Diss. dokt. filol. nauk* [The concept of personality in the

autobiographical prose of Russian emigre writers: I. S. Shmelev, B. K. Zaitsev, M. A. Osorgin. Dr. philol. sci. diss.]. Stavropol, 2001. 373 p. (In Russ.)

Wang Yamin. *20 shi ji zhong guo e luo si qiao min wen xue yan jiu* [A study of the literature of Russian emigration in China in the 20th century]. Dr. philol. sci. diss.]. Lanzhou, 2007. 151 p. (In Chin.)

Diao Shaohua. *Zai hua e qiao wen xue yi pie* [Literature of Russian emigration in China]. *Dang dai wai guo wen xue* [Modern Foreign Literature], 1994, issue 4, pp. 150–157. (In Chin.)

Diao Shaohua. *Er shi nian dai ha er bin e qiao shi tan yi pie* [An overview of Russian emigre poets in Harbin in the 1920s]. *Akademicheskije obmeny* [Academic Exchanges], 1992a, issue 5, pp. 102–106. (In Chin.)

Diao Shaohua. *Chong fang yi cai de ha er bin e qiao wen xue* [The bright shine of Russian emigration literature in Harbin]. *V poiskakh istiny* [Seeking Truth], 1992b, issue 5, pp. 82–86. (In Chin.)

Dzyga Ya. O. *Traditsii russkoy klassicheskoy literatury v emigrantskom tvorchestve I. S. Shmeleva* [Traditions of Russian classical literature in the emigre works of I. S. Shmelev]. *Russkiy yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], 2009, issue 2, pp. 83–88. (In Russ.)

Zaitseva S. *Detskimi glazami na mir: Povest' iz zhizni Peterburgskoy devochki* [The World Through the Child's Eyes: A Life Story of the Girl from Saint Petersburg]. Shanghai, 1947. 140 p. (In Russ.)

Li Meng. *Que shi de yi huan – zai hua e guo qiao min wen xue* [Russian Emigre Literature in China: a Missing Link]. Moscow, Beijing, Peking University Press, 2007. 512 p. (In Chin.)

Mari E. U istokov 'dachnogo toposa': zametki na polyakh nezavershennogo truda Yu. M. Lotmana [At the origins of the 'dacha topos': Notes on the margins of Yu. M. Lotman's unfinished work]. *Russkaya usad'ba i Evropa: diakhroniya, nostal'giya, universalizm: Kollektivnaya monografiya* [Russian Estate and Europe: Diachrony, Nostalgia, Universalism: Collective monograph]. Ed. and pref. by O. A. Bogdanov. Moscow, IWL RAS Publ., 2020, pp. 128–143. (In Russ.)

Markov A. V. *Blokada v knige: stranitsa iz istorii russkoy emigratsii v Kitae* [The block(ade) in the book: A page from the history of Russian emigration in China]. *Labyrinth: teorii i praktiki kul'tury* [Labyrinth: Theories and Practices of Culture], 2022, issue 1, pp. 23–32. doi 10.54347/Lab.2022.1.2. (In Russ.)

Os'minina E. A. *Obraz dachi v proizvedeniyakh I. S. Shmeleva i V. A. Nikiforova-Volgina* [The depiction of dacha in the works by I. S. Shmelev and V. A. Nikiforov-Volgin]. *Russkaya usad'ba i Evropa: diakhroniya, nostal'giya, universalizm: Kollektivnaya monografiya* [Russian Estate and Europe: Diachrony, Nostalgia, Universalism: Collective mon-

ograph]. Comp., ed., and pref. by O. A. Bogdanov. Moscow, IWL RAS Publ., 2020, pp. 246–255. (In Russ.)

Ruban N. A. *Pisatel' russkoy emigratsii Sof'ya Zaytseva* [Sofia Zaitseva, a Russian emigre writer]. *Russkiy Kharbin, zapechatlennyy v slove* [Russian Harbin as Depicted in Words]: a collection of scientific papers. Ed. by A. A. Zabiako, G. V. Efendieva, transl. into Chinese by Wang Yuqi, transl. into English by O. E. Tsmykal'. Blagoveshchensk, Amur State University Press, 2021, pp. 147–151. (In Russ.)

Russkie v Kitae [Russians in China]. Ed. and pref. by A. A. Khisamutdinov. Shanghai, Coordination Council of Compatriots in China and the Russian Club in Shanghai Publ., 2010. 572 p. (In Russ.)

Tolstoy L. N. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]: in 22 vols. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1978, vol. 1. *Detstvo. Otrochestvo. Yunost'* [Childhood. Adolescence. Youth]. 422 p. (In Russ.)

Khasan A. *Nravstvennoe stanovlenie lichnosti v avtobiograficheskoy proze russkogo Zarubezh'ya: I. A. Bunin, I. S. Shmelev, B. K. Zaytsev, A. I. Kuprin*. Avtoreferat dis. dokt. filol. nauk [Moral development of a personality in autobiographical prose of Russian emigre writers (I. A. Bunin, I. S. Shmelev, B. K. Zaitsev, A. I. Kuprin)]. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2006. 20 p. (In Russ.)

Khisamutdinov A. A. *Sokhranyaya russkiy yazyk: kak izdavali detskie knigi v Kitae* [Preserving the Russian language: how children's books were published in China]. *Russkiy yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], 2015, issue 6, pp. 90–94. (In Russ.)

Khisamutdinov A. A. *Rossiyskaya emigratsiya v Kitae: Opyt entsiklopedii* [Russian Emigration in China: an Experience of an Encyclopedia]. Vladivostok, Far Eastern Federal University Press, 2002. 359 p. (In Russ.)

Khisamutdinov A. A. *Russkie literaturny-emigranty v Kitae. Materialy k slovaryu (1-ya polovina XX v.)* [Russian Literary Emigrants in China. Materials for a Dictionary (1st half of the 20th century)]. Vladivostok, Far Eastern Federal University Press, 2017. 127 p. (In Russ.)

Cherez okean: ocherki literatury russkoy emigratsii v Kitae i v SShA (1920–1930-e gg.) [Across the Ocean: Essays on the Literature of Russian Emigre Writers in China and the USA (1920–1930s)]. A. A. Arustamova, B. V. Kondakov, V. A. Filimonova, Khe Tintin. Perm, Perm State University Press, 2021. 152 p. (In Russ.)

Cui Jinxi. *Roman I. A. Bunina 'Zhizn' Arsen'eva': Problema zhanra*. Diss. kand. filol. nauk [I. A. Bunin's novel 'The Life of Arseniev': the problem of the genre. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1999. 181 p. (In Russ.)

An Autobiographical Novel by Sophia Zaitseva 'The World Through the Child's Eyes' in the Context of the Literary Tradition of Leo Tolstoy ('Childhood')

Anna A. Arustamova

**Professor in the Department of World Literature and Culture
Perm State University**

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russian Federation. aarustamova@gmail.com

SPIN-code: 3568-5321

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3079-0253>

Zhen Jingru

**Postgraduate Student at the Department of Russian Literature
Perm State University**

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russian Federation. zhenjingru@yandex.ru

Submitted 25.07.2023

Revised 24.09.2023

Accepted 13.11.2023

For citation

Arustamova A. A., Zhen Jingru. Avtobiograficheskaya povest' S. A. Zaytsevoy «Detskimi glazami na mir» v kontekste literaturnoy traditsii L. N. Tolstogo («Detstvo») [An Autobiographical Novel by Sophia Zaitseva 'The World Through the Child's Eyes' in the Context of the Literary Tradition of Leo Tolstoy ('Childhood')]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 4, pp. 97–106. doi 10.17072/2073-6681-2023-4-97-106 (In Russ.)

Abstract. The article examines *The World Through the Child's Eyes*, a novel being the first work of the autobiographical trilogy by Sophia Zaitseva, a writer belonging to the first wave of Russian emigration. The novel is discussed in the context of the literary tradition of Leo Tolstoy (the story *Childhood*). It is argued that the structure of the trilogy correlates with the structure of Tolstoy's trilogy *Childhood, Adolescence, Youth*. In the story by Zaitseva, there are such characteristic features of the 'tale of childhood' as a child hero discovering the world, the space of the house as the organizing space of the character's life, the image of the family way of life, the development of the principles of depicting the inner world of a child. The study draws parallels with the Tolstoy's work on the figurative, motivational, spatial, plot levels of the artistic system of the story *The World Through the Child's Eyes*. Special attention is paid to the comparison of the images of Nikolenka and Sonya, to the principles of analyzing the inner world of the characters; the paper identifies the similarities and differences in using the method of psychologism, as well as the role of the principle of detachment in the creation of images of the heroes. The article examines the organization of space in *The World Through the Child's Eyes*, the relationship of one's own and another's in the artistic structure of the works, analyzes the interaction of cultures in Zaitseva's story. The comparison of the works provides a better understanding of the historical and cultural context of the story by Zaitseva and the role of the tradition of Russian classics in her work.

Key words: autobiographical story; childhood story; Sophia Zaitseva; Leo Tolstoy; literature of the first wave of Russian emigration; literary tradition; poetics, style.